

КАКІЯ РЕФОРМЫ НУЖНЫ КАЗАКАМЪ.

Впечатлѣніе произвела на меня статья Г. К. «Въ чаяніи реформъ», помѣщенная въ № 130 «Русскаго Инвалида».

«Кзаки, пишетъ г. Г. К., давно ждутъ реформъ и, не видя осуществленія своихъ желаній, прозвали себя пашынами русской арміи»—мысль совершенно вѣрная, но, дальше объясняя какія реформы нужны казакамъ, г. Г. К. едва ли показываетъ знаніе той самой строевой службы казачьей, о которой писать онъ собирается.

Пребываніе казачьихъ полковъ въ регулярныхъ дивизіяхъ г. Г. К. считаетъ вреднымъ для казаковъ, потому что «казачьимъ частямъ, подпавшимъ подъ власть не своего, а драгунскаго высшаго начальства, стали предъявляться несоотвѣтственныя имъ требованія въ дѣлѣ чисто казачьяго воспитанія и обученія»....

Остановимся на минуту на этой мысли г. Г. К. Не поклепъ ли это на высшихъ кавалерійскихъ начальниковъ? Сколько я знаю, высшіе кавалерійскіе начальники въ полной мѣрѣ проникнуты стремленіемъ обучить свои полки, какъ казачьи, такъ и регулярные, современному бою конницы. Возрожденіемъ элементовъ Платовской казачьей лавы (звена, вентеря и пр.) наше казачество обязано именно такимъ регулярнымъ начальникамъ, которые не только никогда не стѣсняли казаковъ въ работѣ по ихъ обычаю, но очень часто заимствовали казачьи приемы для своихъ регулярныхъ полковъ. Да и неужели все регулярное такъ плохо, такъ никуда не годится, что идти по указкѣ регулярныхъ кавалеристовъ это значитъ вести казачьи части къ гибели?

Неужели кавалерія всего міра такъ-таки ничего не стоитъ, а могутъ имѣть значеніе только одни казаки? Какія такія несоотвѣтственныя требованія предъявляютъ кавалерійскіе начальники своимъ казачьимъ полкамъ? Они потребовали вмѣсто прибавленной рыси—намета: требованіе разумное, сохраняющее лошадь отъ преждевременнаго разбиванія на плечи; они потребовали широкаго намета, соотвѣтствующаго полевому галопу 2 мин. 30 сек. верста—но этимъ они толкнули казаковъ лишь къ новымъ побѣдамъ, не смотря на дальній и мѣткій огонь винтовокъ и пулеметовъ, на дальнобойныя пушки! Не отрицая, а настоятельно требуя лавы, они въ то же время требовали, когда нужно, и сомкнутыхъ атакъ. Но бессмертная лава Платова изнуряла, изматывала, разстраивала нервы врагу разсыпными строями, жидкими и подвижными лавами, была же и уничтожала строго сомкнутыми ударами въ дротики резервовъ. Регулярные начальники требовали рубку, доведенную до совершенства, требовали искусную работу пиккою, стрѣльбу, пѣшій строй, дисциплину, поощряли даже джигитовку, которую Скобелевъ, большой знатокъ военнаго дѣла, въ бытность начальникомъ Ферганы, воспретилъ совсѣмъ, назвавъ бессмысленнымъ кувырканьемъ. Мы сохранили джигитовку на потѣху толпы, говоря, что джигитовка развиваетъ лихость, и упуская изъ виду, что очень часто лихой джигитъ очень плохо ѣздитъ въ полѣ, а при прыжкѣ черезъ маленькое препятствіе хватается за луку «спасительницу». Итакъ, въ чемъ же виновны передъ казаками регулярные начальники?

А вотъ въ чемъ. Они ввели «даже въ уставъ» манежную ѣзду, «сковавшую казаковъ по ногамъ и рукамъ въ дѣлѣ чисто полевого воспитанія коня и всадника». Это первое обвиненіе регулярному начальству. Итакъ, «манежная ѣзда» или, иначе говоря, «одиночное обученіе всадника и лошади» и есть тотъ жупель, который такъ пугаетъ г. Г. К.

Допустимъ, что манежной ѣзды нѣтъ, нѣтъ и одиночнаго обученія всадника, а прямо поле. Святое поле, о которомъ кричать такъ модно; поле, которое всегда имѣетъ успѣхъ у толпы, поле, о которомъ авторъ видимо имѣетъ неопредѣленное понятіе.

Подъ именемъ полевой ѣзды мы разумѣемъ быструю ѣзду безъ дорогъ по мѣстности черезъ всѣ тѣ преграды, канавы, заборы, валы, плетни, которые эта мѣстность представитъ. Назовите такую ѣзду какъ угодно. Назовите французскимъ именемъ «парфорсная охота», назовите русскимъ—«пробѣгъ по мѣстности», назовите киргизскимъ—«байга»; это ваше дѣло, но это и есть та

ѣзда, которая потребуется отъ казака и отъ регулярнаго кавалериста на войнѣ въ равной мѣрѣ. Для такой смѣлой ѣзды нужна смѣлая, хорошо напрыганная лошадь, нуженъ всадникъ, умѣющій крѣпко сидѣть на лошади, управлять лошадью на широкомъ ходу, умѣющій пройти по всякому мѣсту. Естественно, что лучшею школою для этого служить ѣзда въ полѣ. Но...

Въ казачьи полки приходитъ очень много молодыхъ, малоѣзженныхъ и совсѣмъ не выѣзженныхъ лошадей, молодые казаки чувствуютъ себя въ сѣдлѣ хорошо только на шагу, ибо прочная посадка и смѣлая ѣзда, къ сожалѣнію, не передаются по наслѣдству отъ отца къ сыну. Большинство лошадей плохо кормлено и не можетъ быть взято въ большую и долгую работу сразу.

Казармы казачьихъ полковъ расположены не всегда въ полѣ, да еще поучительномъ въ смыслѣ пренятствій, подъемовъ, спусковъ и т. д. Поля засѣяны, вмѣсто поля является дорога. Возьмемъ хотя бы Новочеркасское училище. Чтобы выѣхать въ поле нужно пройти шагомъ по мостовой не менѣе получаса, да обратно столько же, и тогда вы имѣете степь съ небольшими балками, которыя для порядочнаго ѣздока и лошади не представляютъ затрудненія.

По требованіямъ службы въ осенній періодъ занятій, имѣя въ виду тотъ большой курсъ, который нужно усвоить казаку, принимая во вниманіе сбереженіе лошади при той маленькой дачѣ фуража, которую она получаетъ, на ѣзду мы можемъ положить не больше 1 часа ежедневно. Если это будетъ полевая ѣзда—значитъ полъ-часа шагомъ по улицамъ Новочеркаска до степи и полъ-часа обратно. Какая же польза отъ этого всаднику и лошади? Но допустимъ, что казармы окружены полемъ и полемъ, принадлежащимъ казачьему полку; можно ѣздить куда угодно. Въ такихъ условіяхъ, напримѣръ, стоитъ полкъ, которымъ я имѣю честь командовать. Полевая ѣзда на часъ—арыки, рубленый лѣсъ, подъемы и спуски; черезъ недѣлю всѣ эти арыки, пни рубленаго лѣса, подъемы и спуски изучены всадниками до мелочей—то же однообразіе, что и въ «horribile dictu»—манежѣ. Но у меня условія исключительныя. Осимыхъ нѣтъ, осенью ѣзди, гдѣ хочешь, запрета нѣтъ. Найдите такія мѣста въ Европейской Россіи. Остается ѣзда по дорогамъ, да по какому-либо все одному и тому же ближайшему лугу или песчаному мѣсту. Пользы мало. Великіе поклонники поля итальянцы отлично поняли это и построили подлѣ своей кавалерійской школы особое campo ostacoli—поле препятствій съ зигзагомъ вьющимися дорожками, съ препятствіями разнаго типа и размѣра, иными словами, тотъ же... *манежъ*.

Отрицать одиночное обученіе, выѣздку, системы выѣздки можетъ лишь тотъ, кто очень далеко стоитъ отъ строевого коннаго дѣла. Но подкрѣпимъ это примѣрами. За 25 лѣтъ строевой службы съ казаками я видѣлъ *только двухъ* наѣздниковъ, ѣздившихъ и выѣзжавшихъ лошадей особенно: оба кавказца, оба горца — это полковникъ Гайтовъ (пынѣ генераль-маіоръ, бывшій начальникъ казачьяго отдѣла офицерской кавалерійской школы) и помѣщикъ г. Мергуле. У нихъ лошадь ходила особенно. На всемъ скаку моментально останавливалась, дѣлала пируэтъ подъ взмахомъ (не ударомъ) нагайки; снова летѣла въ карьеръ, отъ поднятой руки становилась, поджавши задъ, словомъ *дрессирована* была изумительно. Подобные же фокусы, чисто цирковые, показывалъ и природный наѣздникъ и джигитъ г. Мергуле. Но *передать другимъ* своего искусства ни тотъ, ни другой не могли; это былъ ихъ *талантъ*, ихъ особенность.

Нельзя сказать, чтобы, кромѣ этихъ двухъ лицъ, я не видалъ прекрасныхъ наѣздниковъ-казаковъ на протяженіи четверти вѣка. Я ихъ видалъ множество. Я имѣлъ честь быть ученикомъ такого лихова наѣздника и джигита, какъ генераль-отъ-кавалеріи М. И. Грековъ, пятидесяти лѣтъ, свободно, легко и красиво поднимавшаго на карьерѣ предметы съ земли; я видѣлъ ѣзду полковника Денисова, С. Г. Грекова, покойнаго Леонова и многихъ другихъ знаменитыхъ полевыхъ ѣздоковъ казаковъ. Принципы ихъ ѣзды были тѣ же, что и въ регулярной кавалеріи: равновѣсіе лошади на задѣ, движеніе отъ шенкеля на поводъ, мягкая рука при мягкомъ поводѣ, легкіе плавные аллюры, первоначальная выработка лошади на кордѣ, работа въ манежѣ (на площадкѣ) на вольтахъ, перемѣнахъ направленія, выработка гибкости лошади....

Правда, мнѣ пришлось на своемъ вѣку повидать и работу лошади безъ манежа. Я видѣлъ обученіе молодыхъ казаковъ сразу въ шеренгахъ, за неимѣніемъ поля, на большомъ плацу. Я видѣлъ, какъ на рубку ставили колья съ прутьями, снимали съ лошадей уздечки и неслись рубить по протоптанной дорожкѣ. Рубили хорошо. Но, когда колья поставили на другомъ мѣстѣ, то ни одна лошадь, какъ не имѣющая повода, не пошла совсѣмъ, и рубка дала плачевные результаты. Не назову части, но знаю такую, которая, благодаря отсутствію одиночной ѣзды и выѣздки, на смотрѣ весьма крупнаго начальника, т. е. тогда, когда казаки старались во всю, дала 4% срубленныхъ лозъ! Вотъ, что мнѣ говорить жизнь, проведенная съ казаками въ строю. Лошади, работанныя такимъ образомъ безъ «манежа», на полковыхъ ученьяхъ ходили

какъ имъ угодно, и казаки съ ними не справлялись. Начинали движеніе плавною, темпистою рысью. Но стукъ копытъ, чувство массы скоро волновало лошадей, табунныя привычки сказывались, сотни направленія все прибавляли и прибавляли ходу, фланги начинали скакать, интервалы терялись, задняя шеренга сливалась съ передней п единственнымъ спасеніемъ было «повзводно налѣво кругомъ». Сколько-нибудь сложнаго маневра съ этою частью сдѣлать было нельзя. Казаки справлялись съ лошадьми только силою; множество лошадей выносило изъ фронта, и всадники носились по полю, буквально прикручивая поводомъ морду лошади къ стремени. Паденій было очень много. И я видѣлъ казачьи части, работавшія лошадѣ по принципамъ Офицерской кавалерійской школы, исподволь, постепенно подготавливавшихъ лошадей и всадниковъ и къ полю, и къ лавѣ. Эти части легко разсыпали свои лавы, гибко маневрировали ими, не боялись никакихъ препятствій, потому что лошади не несли на нихъ, а шли тѣмъ аллюромъ, какимъ хотѣлъ всадникъ. Предварительно выработанныя одиночной ѣздой, ѣздой въ манежѣ, онѣ охотно повиновались всаднику. Это была работа офицеровъ «переученныхъ», по словамъ г. Г. К., «ѣздить на драгунскій манеръ»....

Если въ томъ «учебномъ полку», о которомъ пишетъ г. Г. К., будутъ царствовать выше мною описанные принципы, полное отрицаніе выѣздки лошади, ѣзда безъ повода и только одно поле, котораго именно и не будетъ,—не дай Богъ казакамъ получить такой учебный полкъ. Чему будетъ учить урядникъ, знающій одну систему: «сѣлъ да поѣхалъ»? Ну, а куда онъ поѣхалъ въ Петербургѣ, или Одессѣ? Куда поѣхалъ въ грязь, или по колоти, или гололедкѣ? Шагомъ, или совсѣмъ стоять? Учатъ наукѣ, а наука, какъ говорить логика, есть система понятій о какомъ-либо предметѣ. Нужно знать уряднику и науку ѣзды, и науку выѣздки.

Послѣднее время въ военной литературѣ часто встрѣчаются статьи, полныя верхоглядства—«нужно поле», «не нужно сокольской гимнастики», а нужно ходить, много ходить; не нужно приготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій, а надо стрѣлять, много стрѣлять.... Я бы добавилъ къ этому одну аксіому—не нужно учиться военному дѣлу, а нужно воевать. Ну, а когда войны нѣтъ, когда патроновъ мало, когда *поля* нѣтъ, что же дѣлать? Ничего?

Весь міръ идетъ впередъ, мѣняются орудія, взгляды на борьбу, мѣняются уставы, одни казаки почему-то должны оставаться все тѣми же карикатурными казачками, съ громадною плетью, знающими одну джигитовку, словно соскочившими съ карикатуры Carandach'a.

Выдѣленіе казачьихъ полковъ изъ кавалерійскихъ дивизій дѣйствительно давно назрѣвшій вопросъ, но формированіе новыхъ казачьихъ дивизій нужно не столько для того, чтобы дать нѣсколько лишнихъ генеральскихъ мѣстъ казакамъ, какъ о томъ пишетъ г. Г. К., а для того, чтобы въ грядущей войнѣ воскресить настоящую Платовскую лаву казачью, способную измотать любую конницу міра.

Г-нъ Г. К., считая, что лава есть «разомкнутый строй съ выработкой одиночнаго бойца», показываетъ незнаніе того, что такое лава.

Лава есть тактика, «образъ служенія», издавна усвоенный казаками и ихъ прославившій, притомъ тактика глубокихъ боевыхъ порядковъ, расположенныхъ въ двѣ и три линіи съ постоянно смѣняемою первою линіею и сильнымъ резервомъ. Для того, чтобы лавы казачьи приобрѣли былую силу, необходимо много казачьихъ полковъ, дѣйствующихъ самостоятельно, необходимъ корпусъ изъ 8—16 казачьихъ полковъ, подчиненный одному начальнику, походному атаману. Лава дѣйствуетъ непрерывно, недѣлями, мѣсяцами, не давая нокая сторожевому охраненію, не давая возможности совершать походныя движенія въ глубокихъ походныхъ колоннахъ. Лава вездѣ, гдѣ можно уязвить противника, и лавы нѣтъ, какъ только противникъ сталъ неуязвимъ, развернулъ свой боевой порядокъ. Лава—это комары, нападающіе на льва и изводящіе его до безумія, а для этого и дѣйствія лавы должны быть непрерывны. Надо массу полковъ, постоянно смѣняемую. Все равно будутъ появляться эти лавы въ разсыпномъ въ одну шеренгу строю, въ группахъ, на коняхъ, или иѣшкомъ, стрѣлять изъ-за мѣстныхъ предметовъ («они лишь къ лѣсу, ожилъ лѣсъ, деревья сыплютъ стрѣлы»); дѣло не въ строѣ, а въ непрерывности безпокоиства, въ сниманіи заставъ крупными силами и исчезновеніи, «какъ дымъ», передъ сторожевымъ резервомъ или самими главными силами. Для этого не нужно учить «основному ихъ разомкнутому строю», но нужно учить тактикѣ, топографіи, нужно учить понимать боевые порядки противника и самостоятельно разрушать ихъ не только каждому полку и сотнѣ, но и каждому звену. Вотъ что такое лава, а не дикая скачка въ одну шеренгу съ свистомъ и бабьимъ визгомъ, изображающимъ у современныхъ казаковъ гикъ, какъ то рисуется г. Г. К.

Научить этому—одна минута; научить разумной работѣ лавою, управлять ею, смѣняя уставшія части новыми изъ резерва, для этого нужно много знанія и умѣнья.

Что такое «историческій свободный и простой костюмъ казакъ»?—Мундиръ-теплушка г. Хрещатицкаго, въ которомъ казакъ

быль спеленуть съ головы до ногъ? Теплушка на ватѣ, вѣтромъ подбитая. Въ войну 1812 г. казаки были одѣты весьма щегольски и по формѣ, ибо Платовъ былъ очень щепетилень къ внѣшности своихъ полковъ. Большинство имѣло кивера, куртки и длинные гакчиры съ лампасомъ, а побѣждать это не мѣшало.

Казаки нуждаются во многихъ реформахъ. И первая—измѣненіе льготы, постоянная офицерская служба въ полкахъ—то, о чемъ я пишу съ 1893 г.

Помощь въ покупкѣ лошади и одна *казенная* (полковая, войсковая) лошадь каждому офицеру.

Сухой фуражъ на 12 мѣсяцевъ, съ дачею овса не менѣе 12 фунтовъ круглый годъ.

Точныя и опредѣленные требованія старшихъ начальниковъ (доктрина), согласованныя съ уставомъ.

Обученіе по станицамъ малолѣтковъ.

Участіе казачьихъ полковъ въ полномъ составѣ на маневрахъ, т. е. спускъ на льготу послѣ маневровъ.

Росляя, кровныя лошади...

А затѣмъ шпоры или отсутствіе ихъ, широкіе или узкіе штаны, кивера или папахи—это все равно: важно имѣть хорошо обученные, сѣзженные полки и воинственное населеніе.

Идею поставить два полка въ Новочеркасскѣ, устроить тамъ учебный полкъ нельзя не привѣтствовать. Только нашлись бы въ командиры твердые люди, недоступные новочеркасскимъ соблазнамъ. А то живо казаки обратятся въ «казачковъ», надѣнутъ резиновые калоши и стануть гулять по Московской и лущить сѣмечки. Граница съ ея войною, обиліе войскъ, большіе маневры, соревнованіе массъ кавалеріи далеки отъ Новочеркасска. Не засосало бы эти полки мирною жизнью съ «винтомъ» и «теткою» въ военномъ собраніи, съ сладкою ѣдою и вкуснымъ питьемъ у радушныхъ и гостепримныхъ новочеркасскихъ хозяекъ.

Исторія обученія «настоящихъ казаковъ» «войска Платова-героя» слагалась изъ (начиная съ Петра Велпкаго) участія—1695-97—въ Азовскихъ походахъ Петра, 1705—усмирении Астраханскаго бунта, 1709-1721—войнѣ со шведами, 1722-1731—съ персами, 1733-1735—съ поляками, 1736-1739—съ турками, 1741-1743—со шведами, 1756-1763—съ нѣмцами, 1764-1774—съ турками и поляками, 1775—противъ Пугачева, 1784-1785—въ Грузіи, 1787-1791—съ турками, 1788-1790—со шведами, 1792-1796—съ поляками, 1796—въ Персидской экспедиціи, 1799—въ Италіи и Швейцаріи, 1799—въ Голландіи, 1804-1864—на Кав-

казъ, 1804-1805—въ войнѣ съ французами, 1806-1807—съ ними же, 1806-1812—съ турками, 1808-1809—со шведами, 1812-1814—съ французами...

Было гдѣ изучить «науку побѣждать».

Не то уже послѣ Отечественной войны. Послѣ турецкой войны 1877-1878 донцы—и то только полки 2-й очереди—приняли участие лишь въ войнѣ 1904-1905 съ японцами.

Естественно, старая чисто боевая и въ этомъ смыслѣ и полевая школа была совершенно утрачена. Приходится учиться, изучать ту науку коннаго дѣла, которую по крупинкѣ собрали изъ разныхъ временъ и которая вылилась въ одномъ одинаковомъ для русской конницы и ея казаковъ уставѣ. Заслуги и побѣды русской конницы не меньше казачьихъ, слѣдовать и подражать ей казакамъ не зазорно. Вотъ если бы учебный полкъ, только предполагаемый, уже былъ и если бы онъ участвовалъ послѣ турецкой войны 1877—78 въ походахъ 1881 Ахаль-Текинскаго отряда, 1885 въ дѣлахъ съ афганцами, 1900 съ китайцами, 1904—1905 съ японцами, а теперь находился бы гдѣ-либо между Тавризомъ и Тегераномъ, я бы повѣрилъ, что въ этомъ полку можетъ быть что-либо свое, особенное, чисто боевое и для военнаго дѣла полезное.

Нужно стремиться имѣть единую русскую конницу, съ однимъ могучимъ духомъ, однимъ уставомъ, одною системою обученія. Уставъ пошелъ въ этомъ отношеніи навстрѣчу казакамъ, вооруживъ регулярную кавалерію пиками, введя и въ нихъ маневрированіе лавою. Казакамъ должно стараться во всѣхъ оборотахъ кавалерійской службы лихостью, смѣлостью и предпримчивостью превзойти регулярную конницу и доказать, что она дѣйствительно казаки—природные конные воины, а не стремиться обособиться, крѣпко держаться старины. Вѣдь этакъ можно дойти до того, что въ тотъ день, когда кавалеріи дадутъ автоматическое ружье, просить казакамъ вернуть ихъ старый добрый лукъ и опять начать ходить на штурмы крѣпостей съ однѣми пиками.

Нужно чаять реформъ, но такихъ, которыя бы двигали казаковъ впередъ, а не осаживали ихъ назадъ на мѣсто неуклюжихъ и смѣшныхъ «казачковъ», умѣющихъ только поражать публику своею неустрашимою джигитовкою. Еще Баклановъ говорилъ: «Не довольно казаку быть только храбрымъ. Храбрость присуща казаку, это его природное качество. Но нужно и побольше этого».

П. Красновъ.

